

ПОСТОЯНСТВО “ИДЕЙ ГРАНИЦЫ” В АМЕРИКАНСКОЙ МЫСЛИ

Говард Кушнер
(Ун-т Сан-Диего)

В 1893 г. в Соединенных Штатах разразился самый страшный экономический кризис за всю их историю. Кризис сопровождался мощными забастовками рабочих, маршем на Вашингтон ветеранов Гражданской войны, подъемом всеамериканского рабочего движения и массовой иммиграцией не говорящих по-английски, не протестантских переселенцев, родом из южной и восточной Европы. Многим наблюдателям тогда казалось, что американское общество раскалывается, что оно готово взорваться.

Во время этих событий историк Фредерик Джексон Тернер предложил, казалось, убедительное объяснение происходящему, чем и привлек внимание всей Америки. Как бы не распространялись общественные беспорядки и экономическая депрессия в американских городах, доказывал Тернер, граница служила убежищем для беспокойных элементов города. К тому же граница являлась местом возрождения демократии, спасая тем самым нацию от последствий классовых противоречий, наблюдаемых в городах. Но, руководствуясь материалами переписи 1890 г., Тернер утверждал, что границы, места, куда можно было в случае нужды перебраться больше не существовало. Итак, страшные следствия депрессии 1893 г. настаивал Тернер, могут быть напрямую связаны с закрытием "границы"¹.

Тернер не сказал ничего особенно нового. Концепция Тернера в общих чертах за столетие до него была сформулирована Бенджамином Франклином и в той или иной форме повторялась как публицистами, так и политиками на протяжении всего XIX в.² . Именно отсутствие оригинальности и позволило тернеровскому "Значению границы" вызвать столь огромный резонанс.

Тем не менее начиная уже с 40-х годов XX в. в ряде исторических исследований "границы" многие из аргументов Тернера были подвергнуты сомнению. К примеру, Фред А. Шеннон в "Фермерской последней границе" доказывал, что во время экономического кризиса фермеры переезжали в города. Последующие исследователи уже напрямую связывали происхождение демократии с урбанизацией. Наконец, после изучения заявок на земельные участки выяснилось, что как раз после 1890 г. было больше свободных земель для поселения в

Перевод С.И. Жука.

¹ Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History // Annual Report of the American Historical Association for the Year 1893. Chicago, 1893.

² Franklin B. Observations concerning the Increase of Mankind, Peopling of Countries, &c. 1751 (publ. 1754 in Philadelphia).

США, нежели в предшествующие годы³. Однако концепция Тернера продолжает оказывать влияние, которое ощущается далеко за пределами собственно науки⁴. Почему же несостоятельная, с точки зрения логики и статистики, концепция все еще пользуется популярностью в Америке?

Жизнеспособность концепции границы во многом объясняется ее идейными истоками, имеющими достаточно противоречивый характер, — истоками, которые хронологически предшествовали изложению самой теории Тернера. Выражаясь языком современной психологии, эти идейные истоки можно характеризовать (в связи с их многообразием) как факторы сверхдетерминированности*. Прежде всего, причина долговечности концепции границы коренится в особом американском историческом опыте континентальной экспансии. Все, что было связано с экспансией и границей, всегда превалировало над политическим соперничеством. По крайней мере, до Гражданской войны Севера и Юга американские лидеры всех за небольшим исключением партий связывали судьбу и благосостояние своего народа с экспансией его границ. Те, кто противостоял этому, как, например уже пожилой Джон Квинси Адамс или молодой Авраам Линкольн, платили за это серьезными политическими потерями. Когда Герман Мелвилл в своем романе "Моби Дик" (1849 г.) поставил под сомнение концепцию "предопределения судьбы", то рецензенты осудили его как непатриотичного и просто несдержанного автора⁵. А вот когда, более чем столетие спустя к теме "новых границ" обратился Джон Ф. Кеннеди, то это сразу же придало его президентской кампании необходимую законность, что с лихвой возместило нехватку государственного опыта. Наконец, подобное идейное обращение к прошлому напрямую связано с тем фактом, что белое население Америки всегда было представлено переселенцами и иммигрантами. Символически концепция границы соответствовала подсознательному настроению этих людей.

АРГУМЕНТАЦИЯ МЭДИСОНА

Я (так как это достаточно хорошо известно) лишь вкратце остановлюсь на связи между концепцией границы и территориальной экспансией. В результате исследований покойного Вильяма Эпплмана Вильямса историки пришли к пониманию, что Конституцией 1787 г. правительство институализировало экспансию в приграничные регионы с тем, чтобы избежать внутренних беспорядков и поддержать национальное единство⁶. Первый автор американской Конституции

³ Shannon F.A. The Farmer's Last Frontier, Agriculture, 1860–1877. N.Y., 1945; Henretta J.A. The Morphology of New England Society in the Colonial Period // The Family in History: Interdisciplinary Essays / Ed. by T.K.Rabb, R.I.Rotberg. N.Y., 1973. P. 191–209.

⁴ Robertson J.O. American Myth, American Reality. N.Y., 1980.

* Подробно о понятии "сверхдетерминированность" см.: Freud S. Standard Edition. In: 24 vol. L., 1953–1966. Vol. 18. P. 235; см. также: Автономова Н.С. К спорам о научности психоанализа // Вopr. философии. 1991. № 4. С. 72. — Примеч. переводчика.

⁵ Rogin M.P. Subversive Genealogy: The Politics and Art of Herman Melville. N.Y., 1983. P. 149–150.

⁶ Williams W.A. The Tragedy of American Diplomacy. N.Y., 1962; The Contours of American History. Chicago, 1966.

Джеймс Мэдисон предупреждал в десятом номере "Федералиста" о том, что тенденция политических союзов к фракционности подвергает свободу величайшей опасности. Согласно Мэдисону, свобода зависит от сохранения разнообразия общественного положения людей, которое лучше всего выражается в неравном распределении собственности. Поскольку демократия угрожает правам меньшинства, то Мэдисон считал, что, чем больше республика, тем проще в ней охранять единство, свободу и собственность. Беда в том, что казавшиеся в 1787 г. большой республикой Соединенные Штаты могли быстро – в результате роста народонаселения и улучшения транспортных средств – превратиться в маленькую демократию. Следовательно, экспансия, увеличивая территорию соперничества за власть, становилась более предпочтительным средством, при помощи которого можно было избежать демократии.

Начиная с Вильямса многие исследователи показали, как эта аргументация Мэдисона была переведена в сферу политики молодой республики⁷ Такая интерпретация раннего американского экспансионизма привела к переоценке и пересмотру его проявлений: это и покупка Луизианы в 1803 г., и война 1812 г., и спор из-за Орегона в 1844 г., и война с Мексикой в 1845 г., и захват Калифорнии в 1848 г.⁸ Впрочем, подобная переоценка сказалась и на моем собственном объяснении причин приобретения Русской Америки, что и подтвердили великолепные работы Н.Н.Болховитинова⁹ Как показали исследования последних трех десятилетий, рассуждения Мэдисона были достаточно диалектичными: С одной стороны, эти аргументы требовали избегать гражданских конфликтов, с другой, они предполагали обязательную их регулярность в обществе.

Тем не менее, хотя я утверждаю, что истоки Американской гражданской войны 1861–1865 гг. коренились в противоречиях мэдисоновской аргументации, совершенно очевидно, что более ранние события, особенно связанные с джексоновской политической революцией 1830-х годов, выявили и усугубили эти противоречия. Таким образом, к 1840-м годам экспансионизм трансформировался в средство, скорее поддерживающее фракции у власти, нежели устраняющее последствия их политической борьбы. Ирония состоит в том, что к 1850-м годам

⁷ Я использую термин "аргументация" ("дискурс") так, как его определял Мишель Фуко, т.е. имею в виду систему, или совокупность правил, которые делают знание доступным для понимания. См.: *Foucault M. The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences.* N.Y., 1970. P. 125–165.

⁸ *DeConde A. This Affair of Louisiana.* 1976; *Brant I. James Madison and American Nationalism.* Princeton, 1968; *Pletcher D. The Diplomacy of Annexation: Texas, Oregon and the Mexican War.* Columbia (Mo.), 1973; *Brack G.M. Mexico Views Manifest Destiny, 1821–1846: An essay in the Origins of the Mexican War.* Albuquerque, 1975.

⁹ *Kushner H.I. Conflict on the Northwest Coast: American-Russian Rivalry in the Pacific Northwest, 1790–1867.* Westport (Conn.), 1975; *Idem. The Significance of the Alaska Purchase to American Expansion // Russia's American Colony / Ed. S.F.Starr. Durham (N.C.), 1987. P. 295–315; Bolkhovitinov N.N. Russia's America and International Relations // Ibid. P. 251–270; Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М., 1990.*

экспансия стала инструментом, сохраняющим, а не искореняющим демократию¹⁰

Хотя цель мэдисоновского республиканизма была отвергнута, но средства достижения национального единства путем территориальной экспансии были взяты на вооружение его преемниками и возведены до понятия национальной судьбы. Риторика экспансии стала одновременно и механизмом единства, и символом политической аутентичности. В этом контексте цель экспансии – "граница" – превратилась в содержание новой американской веры, идеализирующей демократию на территориальных окраинах и в то же время сопротивляющейся ей в городских центрах.

Казалось бы, во имя данной веры гражданская война в Америке как бы ратифицировала эту трансформацию и кодифицировала ее в дополнение Конституции, ибо нужно было ни много, ни мало выиграть битву за сознание нации. В результате возник (хотя до полного его оформления потребуется еще столетие) новый менталитет, основополагающей частью которого явились и представления о демократии. Таким образом, суждения Мэдисона о сохранении неравенства были заменены идеей, конституционно соответствующей доктрине демократического равенства, которое медленно распространялось среди многочисленных групп американцев.

В ходе этого процесса экспансия, служившая в мэдисоновской аргументации средством поддержания неравенства, трансформировалась в место, "границу", где равенство и демократия как бы возрождались заново. "Граница" становится понятием, противоположным тому, что утверждал Мэдисон, рассуждая о неравенстве¹¹

ДЖЕЙМСТАУН

Сила концепции границы, если не учитывать действительное и идеологическое ее влияние, коренится в мифе¹² Как и все мифы, концепция границы знакомит нас, скорее с психологической, чем с фактической истиной, т.е. сообщает нам на символическом языке нечто жизненно важное об американском обществе. Следовательно, длительность существования этой концепции объясняется, как ее мифическим происхождением, так и вероятностью ее реальных истоков.

¹⁰ *Rogin M.P. Eathers & Children: Andrew Jackson and the Subjugation of American Indian.* N.Y., 1975. Esp. exp. Ch. 8, 10.

¹¹ Какими бы ни были политическое, экономическое и социальное влияния действительной экспансии и реальной границы, идея обоих феноменов имела глубокое и, возможно, более постоянное влияние на жизнь Америки и особенно на ее внутреннюю и внешнюю политику. Об этой столько написано, что потребовалось бы много места и времени, чтобы перечислить все. Что же касается периода от Гражданской войны до "холодной" войны, то отсылаю читателя к лучшим книгам на эту тему: *LaFeber W. The New Empire: An Interpretation of American Expansion, 1860–1898.* Ithaca, 1963; *Idem. America, Russia, and the Cold War, 1945–1984.* 5th ed. N.Y., 1985; *McCormick Th.J. China Market: America's Quest for Informal Empire, 1893–1901.* Chicago, 1967; *Levin N.G. Woodrow Wilson and World Politics: America's Response to War and Revolution.* N.Y., 1968; *Gardner L. A Different Frontier: Selected readings in the Foundation of American Economic Expansion.* Chicago, 1966.

¹² Здесь и далее я использую идею Роланда Бартса о том, что современный мир функционирует как определенная идеологическая система, предназначенная сдерживать культурное напряжение. См.: *Barthes R. Mythologies.* L., 1972. P. 115–120.

Миф о "границе" предлагают детям и иммигрантам в качестве заместителя тех традиционных ценностей, которые были или должны были ими забыты. Переселенцы с обычаями и ценностями Старого Света, как повествует история, в американской пустыне трансформировались в прагматичных индивидуалистов. А урок, извлеченный из этого столкновения с природой, сводится к тому, что любой, желающий расходовать свою энергию и принести в жертву старые идеи, может трансформировать себя так, как он этого захочет.

К примеру, первую английскую "границу" в Америке, виргинское поселение Джеймстаун, обычно изображают как терпящее нужду и опасности, но именно его смелые люди тяжелым и самоотверженным трудом преобразовали в райский сад. В процессе созидания, узнаем мы, эти смельчаки из людей с традиционными ценностями и привычками превратились в современных прагматичных американцев. Такая картинка основывается на том, что дошло до нас с XVIII в. в качестве мифа об американской границе. Вот, к примеру, что можно прочесть в самом авторитетном и популярном вузовском американском учебнике: «Лондонская Виргинская компания в декабре 1606 г. на трех набитых битком небольших кораблях – "Сюзан Констент", "Годспид" и "Дискавери" – послала своих первых поселенцев: сто взрослых мужчин и четырех мальчиков. В мае 1607 г. они проплыли вверх по реке, названной ими Джеймс, и высадились на полуострове, который назвали Джеймстаун. Местность, болотистая и лесистая, была хорошо приспособлена к обороне, но наряду с этим кишела москитами и микробами. Колонисты совершали почти все возможные ошибки в этом новой окружении, но сами же их и исправляли, и в этом им способствовали видение будущего, отвага или безрассудная храбрость»¹³

Что на самом деле произошло в Джеймстауне нам, конечно, далеко не так ясно, как это представлено в приведенном отрывке. Из 6000 поселенцев, прибывших в Джеймстаун, Виргинию, между 1607 и 1625 гг., 4800 погибли. Историки, изучавшие причины столь высокой смертности в Джеймстауне, связывают большинство смертей с болезнями, вызванными голоданием. Современники событий и последующие исследователи сходятся на том, что в распоряжении поселенцев было достаточно еды, но они не предприняли даже минимума усилий, чтобы добыть эту пищу, они сопротивлялись любому труду, были безынициативны и апатичны. Особенно мешал обеспечению продовольствием их отказ заниматься сельским хозяйством. Описания поведения поселенцев указывают на то, что большинству смертей предшествовало такое состояние, которое сегодня можно было бы назвать клинической депрессией. Поведение многих колонистов было откровенно самоубийственным¹⁴

¹³ Blum J.M. et al. *The National Experience: A History of the United States* (4th ed.). N.Y., 1977. P.14.

¹⁴ Morgan E.S. *The Labor Problem at Jamestown, 1607–1618* // *American Historical Review*. 1971. Vol. 76. June. P. 596–611; Kupperman K.O. *Apathy and Death in Early Jamestown* // *Journal of American History*. 1979. Vol. 66. June. P. 24–28; Earle C.V. *Environment, Disease, and Mortality in Early Virginia* // *The Chesapeake in the Seventeenth Century: Essays on Anglo-American Society* / Ed. Th.W.Tate, D.L.Ammerman. Chapel Hill, 1979. P. 96–125.

Поселившиеся в Джеймстауне в начале XVII в., как и многие иммигранты, поселившиеся после, имели искаженное представление о действительности в условиях новой "границы". Их взгляды о Новом Свете сформировали переводы испанских путешествий, пропагандировавших трансатлантические экспедиции. Согласно историку Эдмунду Моргану, "Земля, которая представляла из этих описаний, была Эдемом, заселенным добрыми и благородными людьми, добывавших до испанского завоевания без труда и особых усилий плоды у богатой природы". Эти описания подкреплялись сообщениями английских путешественников, которые подобно мореплавателю конца XVI в. Артуру Барлоу, так рассказывали о землях будущей Северной Каролины: здесь "сама земля рождает все в изобилии, как в день творения, без усилия и труда". Туземцы, писал Берлоу, "наиблагороднейшие, любящие, верные, не знающие греха и измены люди, похожие на тех, кто жил когда-то в золотом веке"¹⁵

Но первые поселенцы Джеймстауна нашли совершенно иной мир. Индейцы зачастую вели себя враждебно, а пищу сначала нужно было вырастить, а потом только собрать урожай, чего совсем не предполагалось в саду Эдема. В течение года 70 из 108 первых колонистов умерли. В 1608 г. прибыли 462 новых поселенца, но за зиму 1609 г. 440 человек из них погибли. И так продолжалось из года в год. С 1609 по 1622 г. Виргинская компания рекрутировала 3570 колонистов дополнительно, доведя численность колонии почти до 5000 человек. 3000 из них умерли в течение трех лет. К 1625 г. 80% из первых 6000 колонистов погибло. Хотя войны с индейцами унесли несколько сотен жизней, все же подавляющее большинство умерло от недоедания и болезней¹⁶

Морган объяснял такое поведение переселенцев их феодальным менталитетом, строго определявшим и ограничивавшим круг их занятий¹⁷

¹⁵ *Morgan E.S. The Labor Problem at Jamestown. P. 597–598.*

¹⁶ *Morgan E.S. American Slavery, American Freedom: The Ordeal of Colonial Virginia. N.Y., 1975. P. 101; Kupperman K.O. Apathy and Death in Jamestown. P. 24, 27–28, 35–36.*

¹⁷ *Morgan E.S. The Labor Problem at Jamestown. P. 610–611.* Другие исследователи настаивали на том, что праздность и лень колонистов превосходили подобные явления в современной Англии. "Почему, – спрашивает Карен Купперман, – погибали те, кто был инициативен?" Свидетели-современники находили праздность и лень поселенцев ненормальными и "необъяснимыми". Они описывали колонистов как "отвлеченных и мучающихся одиночеством" людей, которые умирали "позорной" смертью. Отказ поселенцев потреблять даже доступную пищу в лучшем случае можно считать психическим отклонением. Казалось, они отказываются жить, не делая даже минимальных усилий, чтобы избежать истощения, словно желали себе смерти. Купперман открыл, что рацион поселенцев раннего Джеймстауна почти полностью состоял из кукурузы. Рацион, основанный на маисе, приводит к болезни, симптомы которой – апатия и депрессия. См.: *Kupperman K.O. Apathy and Death in Early Jamestown. P. 32–33; Gopalan C., Jaya Rao K.S. Pellagra and Amino Acid Imbalance // Vitamins and Hormones: Advances in Research and Applications, 1975. Vol. 33. P. 508, 516; Fernstrom J.D., Lytle L.D. Corn Malnutrition, Brian Serotonin and Behavior // Nutrition Reviews. 1976. Vol. 34. Sept. P. 257–262; Altschule M.D. Nutritional Factors in General Medicine: Effects of Stresses and Distorted Diets. Springfield (Ill.), 1978. P. 104–107; Also See: Roe D.A. Plaque of Corn: The Social History of Pellagra. Ithaca, 1973.* Не все историки разделяют точку зрения Куппермана. Карвил В.Эрл доказывает, что зараженная, испорченная вода являлась причиной столь высокой смертности в Джеймстауне. См.: *Earle C.V. Environment, Disease, and Mortality in Early Virginia. P. 96–125.*

Только введение рабского труда на плантациях табака спасло Виргинию и обеспечило выживание ее жителей¹⁸. Как это ни странно, но поселение Джеймстаун выжило во многом благодаря восстановлению в нем традиционного кастового общества. Наследники его первых поселенцев стали типичными английскими джентльменами-землевладельцами, а не трансформированными "новыми людьми". В то время как опыт Джеймстауна был позднее преобразован и включен в миф о границе, подноготная его истории – саморазрушение, сопровождавшее всю эту самотрансформацию, никогда полностью не прекращалось.

ГЕРОЙ ГРАНИЦЫ КАК МИГРАНТ

Подобно истории Джеймстауна, эпос героя американской границы содержит как явные, так и скрытые элементы, похожие на те, которые обнаруживаются в самоубийственном поведении. Очевидно, что это проявляется тогда, когда герой, сам того не ведая, исполняет с успехом ему предназначенное, уже этим доказывает свою ненужность. Неосознанно этот рассказ описывает динамику, часто ассоциируемую с самоубийством. Повторение этих мифов это не эквивалент самоубийственного поведения. Более того, миф может выполнять ритуальную функцию, которая действует терапевтически, чтобы заглушить саморазрушительные потребности.

При использовании фольклора или беллетристики как средства для понимания группового сознания обычно выдвигаются два возражения: 1) в какой мере можно доверять написанному отдельными людьми, с тем, чтобы использовать это для анализа народной культуры в целом? 2) в какой степени правомерно обращение к общим для всех народов рассказам, если речь идет о трактовке моментов из жизни конкретных народов и их культуре?

Если рассказ повторяется и имитируется с сохранением основных формы и сюжета уже на протяжении более двух столетий разными писателями и прессой, если он все еще воспринимается широкой аудиторией, то такой рассказ доносит до нас нечто важное о народных ценностях. Фактически, авторы, пишущие подобные рассказы, скорее потворствуют народным вкусам, нежели их воспитывают¹⁹.

Все мифологические истории именно потому, что они сообщают, скорее, психологическую, чем фактическую истину, универсальны по содержанию. Тем не менее определенные аспекты универсальных мифических рассказов могут быть усилены в некоторых культурах за счет других аспектов. Тогда-то и появляются особые формы архитипичных историй, и глупо их игнорировать, равно как и универсальность мифа²⁰. Научные исследования, посвященные проблеме ковбоя и героя американской границы начиная с "Девственной земли" Генри Нэша

¹⁸ Morgan F.S. The Labor Problem at Jamestown. P. 610–611.

¹⁹ Athearn R.G. The Mythic West in Twentieth Century America, Foreword by Elliott. West. Lawrence (Kan.), 1986. P. 160–189.

²⁰ Darton R. The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. N.Y., 1984. P. 21–24, 50–51.

Смита (1950) и заканчивая "Смертельным окружением" Ричарда Слоткина (1984), убедительно это подтверждают²¹

Национальные мифы не рождаются враз. Потребовалось 175 лет со дня основания Джеймстауна, чтобы в книге Джона Филсона "Приключения полковника Дэниеля Буна" (1784) появился герой американской границы²². В этом классическом рассказе следопыт постоянно чувствует неконтролируемую потребность двигаться, как только его соседи подходят очень близко к его жилью. Возможно, американская пресса уже просто подражала этому, рисуя портрет Буна. «Этот одинокий человек, – констатировала "Найлс Реджистер" в 1816 г., – не может жить в Кентукки, заселенном переселенцами... а предпочитает лесные дебря, где вы его можете увидеть в одежде самого дикого и бедного охотника». «По мере приближения цивилизации, сообщала "Нью-Йорк мансли магазэн", Бун время от времени отступал»²³. В 1833 г. в первом из 14 изданий "Жизни и приключений Дэниеля Буна" Тимоти Флинта, выходявших в течение 36 лет, было дано объяснение, что привыкший ходить, где захочет, Бун обнаружил, что "Американскому предприятию суждено преследовать его всюду и мешать его планам уединения в лесной чаще. Он оказался... в окружении прогресса... которому не мог помешать"²⁴. Таким образом, когда Джеймс Фенимор Купер в "Рассказах о Кожаном Чулке" превратил Буна в Хоуки, немногие удивились, прочитав, что героя "сгоняло с места ни с чем не сравнимое движение людей, искавших последнее убежище на широких и незаселенных равнинах Запада"²⁵

Парадоксально то, что сила цивилизации, гнавшая его на Запад, была его собственным творением. Например, "Приключения полковника Дэниеля Буна" Филсона появились как дополнение к проспекту, гарантировавшему вкладчикам, что Кентукки – безопасное место для покупки земли, именно благодаря трудам Дэниеля Буна, который умиротворил местные индейские племена. Филсоновский Бун говорит: "Повесть о моих приключениях расскажет читателю, что я сейчас живу в мире и безопасности... в этой восхитительной стране, которую я приобрел, пролив много крови и затратив много средств, восхищаясь ее будущим существованием; в стране, за короткое время превратившейся в одно из наиболее богатых и сильных государств на континенте"²⁶. Вряд

²¹ *Smith H.N.* Virgin Land, The American West as Symbol and Myth. Cambridge (Mass.), 1950; *Slotkin R.* The Fatal Environment: The Myth of the Frontier in the Age of Industrialism, 1800–1890. N.Y., 1985. P. 13–32; *Idem.* Regeneration Through Violence // The Mythology of the American Frontier, 1600–1860. Middletown (Conn.), 1973.

²² *Filson J.* The Discovery, Settlement and Present State of Kentucke (1784). Repr.: N.Y., 1962; *Smith H.N.* Op. cit. P. 54–63; *Fishwick M.W.* Daniel Boone and the Pattern of the Western Hero // *Filson Club Historical Quarterly*. 1953. Vol. 27. P. 119–138; *Slotkin R.* Regeneration Through Violence. P. 268–312.

²³ *Niles Register*. 1816. June 15. N 10. P. 361; *New York Monthly Magazine and Critical Review*. 1818. June. N. 3. P. 152; See Also: *Smith H.N.* Op. Cit. P. 58.

²⁴ *Flint T.* The Life and Adventures of Daniel Boone, the First Settler of Kentucky, Interspersed with Incidents in the Early Annals of the Country (1833). Repr.: New Haven, 1967. P. 226–227.

²⁵ *Cooper J.F.* The Prairie: A Tale, quoted from the revised edition. N.Y., s.a. in *Smith H.N.* Op. cit. P. 65.

²⁶ *Filson J.* Op. cit. P. 80–81.

ли целью этого обращения было помешать заселению новых земель. «Будучи пленником у индейцев, Бун, согласно рассказу 1813 г., объяснял вождю Монтуру превосходство белой цивилизации, которая скоро принесет на дикую границу культуру, изящество и "социальную любовь"»²⁷ Тимоти Флинт понимал, что действия Буна создадут условия, вынуждающие его двигаться в западном направлении: Бун "видел, что большая долина должна стать убежищем для миллиона фрименов и его сердце наполнялось радостью и ему стало тепло на душе"²⁸ Купер не задаваясь целью исследовать это, так описывал дилемму героя: "Звук топора гнал его из любимых лесов в поисках убежища, подобно смирившемуся с отчаянием человеку, на голые равнины, которые протянулись до Скалистых гор. Здесь он и провел несколько последних лет своей жизни, умерев так, как он жил"²⁹ Итак, типаж Буна, появившийся в образе Дейви Крокетта, Кожаного Чулка, или разведчика-следопыта, в нескончаемом американском фольклоре, открыл дороги, которые заставляли двигаться его на запад до тех пор, пока его же успехи не создали условий для его исчезновения.

Содержание этих рассказов не имеет ничего общего с реальным самоубийством. Хотя внешне поведение героя напоминает жизнеописание тех групп американцев, мигрантов и иммигрантов, которые, как я уже показал в своих исследованиях, имеют очень высокий потенциал для самоубийства³⁰. Это предполагает возможную связь между неосознанной динамикой действительного самоубийственного поведения и скрытого содержания американского пограничного эпоса.

Рассказ границы прямо указывает на двусмысленность и определенную напряженность, коренящиеся в феномене миграции. Мигранты, как описывает их история Буна, не только покидают людей, но и сами являются покинутыми людьми. Миграция сама по себе может быть стратегией риска, преследуемой теми, кто особенно предрасположен к саморазрушению. Те, кто мигрировал, неизбежно сталкивались с большими потерями. Суть этих потерь состояла не только в том, что приходилось покидать людей, но и в том, что ритуальные структуры, которые обычно использовались при расставании людей, часто отбрасывались и больше не восстанавливались. Кроме того, мигранты, хотя об этом преднамеренно умалчивается в рассказе Буна, были людьми, старавшимися преобразовать себя. Модернизация, самотрансформация, требовала отказа от прошлого (от родителей, традиционных ценностей ит.п.), поэтому жизненные неудачи уже нельзя было компенсировать за счет возвращения к тому, что отвергнуто как индивидуально, так и культурно. Следовательно, любая утрата значит больше для тех, кто

²⁷ Bryan D. *The Mountain Muse: Comprising the Adventures of Daniel Boone; and the Power of Virtuous and Refined Beauty*. Harrisonburg (Va.), 1813. P. 42–43.

²⁸ Flint I. *Op. cit.* P. 226–227.

²⁹ Cooper J. F. *The Prairie*. N.Y., 1964. P. VII.

³⁰ Kushner H.J. *Self-Destruction in the Promised Land: A Psychocultural Biology of American Suicide*. New Brunswick; N.Y., L., 1989. P. 145–165; *Idem*. *Culture, Grief and Suicide: A Psychosocial approach // Grief and Bereavement in Contemporary Society*. In: 3 vol. / Ed by E.Chigier, L.; Tel-Aviv, 1988. Vol. 3. P. 40–60; *Idem*. *Immigrant Suicide in the United States: Toward a Psycho-Social History // Journal of Social History*. Fall. 1984. Vol. 18. P. 3–24.

потерял, преобразовывая себя (т.е. для тех, кто понес реальные или воображаемые материальные потери).

В определенном смысле полная трансформация личности либо ограничена, либо невозможна; а чувство вины за отказ от ценностей и ритуалов прошлого усиливается по мере ослабления сна самотрансформации. Во всяком случае фантазии самотрансформации всегда несут с собой груз самоотказа и в какой-то мере приводят к ненависти к самому себе³¹. Иммиграция и миграция обостряют все эти моменты.

Тем не менее неразумно делать вывод, что вера в самотрансформацию неизбежно приводит к саморазрушительному поведению. Тогда как постоянная идеология может быть свободна от жизнеутверждающих аспектов. Ка и все системы идей, самотрансформация действует диалектически. Хотя она может разрушить традиционные ценности и ритуалы, взамен она предлагает ценности структуры, которые прямо указывают на связь между миграцией и самоубийственным поведением.

Литературные герои – люди границы, казалось, руководствовались стратегией, которая наблюдается у скорбящих людей, – стремлением к риску, чревату трудностями формирования стабильных объектных отношений³². Более того, в качестве мигрантов они соответствуют эпидемиологической категории, т.е. тем, кто исторически подвержен риску самоубийства. В рассказах о Буне (людях границы) проблемы, касающиеся объектных отношений, часто привязываются к рискованным поступкам. Следопыт Купера, например, говорит, что, хотя он и рисковал жизнью ради Юдит, он не может на ней жениться. Любопытно, что это решение Следопыт связывает со своими покойными родителями: “Все, ради дружбы, Юдит, даже в услужение пойду, жизнь отдам за Вас. Да, я рискую ради Вас”. Но он не может жениться, потому что “не чувствует, что настал момент бросить отца и мать, как будто они поныне живы... даже если бы они были живы, он не считает, что какая-то женщина сможет заставить предать его память о них”³³.

Следовательно, эти герои связывали свой отказ жениться с риском, миграцией и, как в случае с Кожаным Чулком, с ранее имевшей место утратой. Не желая обременять себя длительными человеческими отношениями, герои становятся мигрантами, двигаясь все дальше и дальше на Запад в поисках какой-то неопределенной и часто таинственной цели. Человек границы прежде всего охотник, но он охотится за чем-то непонятным ни нам, ни ему. “Кожаный Чулок, – замечает Слоткин, – обречен бродить до конца своих дней в безуспешных поисках веры и тождества”³⁴. Эти поиски указывают на то, что скорбь, печаль – фундаментальные элементы американской культуры.

³¹ *Becker E.* The Denial of Death. N.Y., 1973. P. 1–8, 17–19. For a discussion of this in relation to identity see: *Erikson E.H.* Identity: Youth and Crisis. N.Y., 1968. P. 165–207.

³² См.: *Kushner A.I.* Suicide and the Death of Meriwether Lewis: A Psychoanalytic Inquiry // *William and Mary Quarterly*. 3rd Ser. 1981. Vol. 38. P. 464–481; *Idem.* Self-Destruction in the Promised Land. P. 128–130.

³³ *Cooper J.F.* The Deerslayer or the First War-Path (1841). Repr.: N.Y., 1962. P. 474 (italics added).

³⁴ *Slotkin R.* Regeneration Through Violence. P. 493.

Все это возвращает нас к концепции Тернера. При внимательном чтении “Значения границы в американской истории” видно, что включение рассказа о герое границы в объяснение истории американского общества не критично³⁵. Как и в случае с мифом о человеке границы, которой послужил истоком этой концепции, ее сила была не в новизне, а в использовании ее Тернером применительно к традиционной истории для выяснения происхождения американского кризиса 1890–х годов. Это объясняет почти мгновенную популярность “концепции границы”³⁶.

То, что национальный кризис, связанный с экономической депрессией и массовой иммиграцией – кризис, вызвавший к жизни интерпретации Тернера, что именно он подогревал широко распространенные страхи эпидемии самоубийств, не случайное совпадение. Если индивидуальные герои границы символизировали онтогенетическое содержание американских самоубийств, то “концепция границы” обеспечила филогенетический контекст. Доводы Тернера, что пограничный Запад стал убежищем от постоянной городской нестабильности Востока, были привлекательны, так как они как бы подтверждали истины повторяющейся истории, отражая тем самым национальный опыт. Итак, нация иммигрантов и мигрантов двигалась на Запад, чтобы избежать своей цивилизующей силы. “Американское социальное развитие всякий раз начинается как бы заново, – писал Тернер. – Это ежегодное возрождение, эта текучесть американской жизни, эта экспансия на Запад с постоянным привкусом простоты первобытного общества обеспечивали силы, доминирующие в американском характере”³⁷. Но, так же, как и люди границы, разрастающаяся нация постоянно воссоздавала ту самую цивилизацию, которой они стремились столь безнадежно избежать: “новое общество возникало от контакта с лесной глушью. Постепенно это общество теряло свои первобытные условия и ассимилировало себя по типу прежних социальных условий Востока”³⁸.

Для Тернера, как и для многих американцев, Восток – символ родительского авторитета. На поверхностном уровне привлекательность дикой глуши, казалось, зиждется, как писал Джеймс Перкинс в 1846 г., на “любви к природе, совершенной свободе и к жизни в лесах, полной приключений”³⁹. Тем не менее, если язык Тернера понимать психологически, то Восток является авторитетом, неспособным обеспечить безопасность в период социально–экономического кризиса. Неспособный более защитить и выкормить растущее и беспокойное дитя, Восток отказывается от него и не потому, что он уже вышел из детского

³⁵ Turner F.J. The Significance of the Frontier. P. 200, 227.

³⁶ Smith H.N. Op cit. P. 291–305. Also see: Ellis R.J., Munslow A. Narrative, Myth and the Turner Thesis // Journal of American Culture. Summer 1986. Vol. 9. P. 9–16, esp. P. 12–13.

³⁷ Turner F.J. Significance of the Frontier. P.200, 227.

³⁸ Ibid. P. 207; Turner F.J. The Frontier in American History. N.Y., 1963. P. 205.

³⁹ Perkins J.H. North American Review 1846. Vol. 72. Jan. P. 86–87, 97.

возраста, как предполагал Алан Бекман, а потому, что Восток оказался бессильным⁴⁰.

Тернер рисует Восток неспособным обеспечить справедливость из-за “концентрации там бедности и безусловных прав на переднем плане”. Но на Западе “человек границы противился ограничениям. Он знал, как поддерживать порядок даже в отсутствие законной власти”. Запад предлагал беспокойному дитяте жесткое, но защищавшее его окружение, которое обещало мифическое воссоединение со всемогущественной природой. На Западе, доказывал Тернер, “воспроизводилась первобытная идея индивидуализации права”. “Преступление в большей мере считалось оскорблением жертвы, нежели нарушением закона земли. Основательная справедливость, обеспечиваемая самым прямым путем, была идеалом человека из лесной глуши. Он нетерпеливо отвергал тонкости правовых разграничений или сомнения метода”. На Западе, “сложное общество под воздействием дикой глуши превращалось в разновидность первобытной социальной организации, основанной на семье”⁴¹.

Следовательно, привлекательность “концепции границы” сводится к таким понятиям, в ней заключенным, как неосознанное содержание инфантильного реванша, справедливости и воссоединения, а не к такому понятию, как предполагаемое видение свободы.

НОВЫЕ ФОРМЫ, СТАРЫЕ МИФЫ

Концепция Тернера, кроме всего прочего, способствовала исчезновению мифического человека границы как литературного типажа. И все же преемник Буна, ковбой, впервые появившись в 90-х годах в “Виргинце” Оуэна Уинстера, сохранил символическую власть и культурное значение своего предшественника⁴². Подобно истории Буна Филсона, история Уинстеровского ковбоя эволюционировала в течение ряда лет, пока последние ее создатели и общественность не остановились на окончательной избитой формуле⁴³. Бесконечное повторение этого сюжета в романах, фильмах, на радио и телевидении почти не меняется.

⁴⁰ Бекман доказывает, что человек границы стремился “доминировать... быть властелином и использовать Запад и его ресурсы, разрушая все”. Он характеризовал героя “в состоянии восстания против власти”. Хотя Бекман так объяснял внешнее содержание истории, но он упускал из виду репрессивную природу Эдипова комплекса. Он путал два явления – действительное доминирование человека границы на Западе с его ностальгическим желанием слиться с природой. Бекман в своей творческой статье склоняется больше к использованию буквального видения комплекса отца, который отрицал даже Фрейд. См.: *Beckman A. Hidden Themes in the Frontier Thesis: An Application of Psychoanalysis to Historiography // Comparative Studies in Society and History. 1966. Vol. 8. P. 368–370; For Freud's view of the parent complex see New Introductory Lectures on Psychoanalysis in 1933. N.Y., 1964. P. 63–65.*

⁴¹ *Turner F.J. The Frontier in American History. P. 210, 212; Idem. The Significance of the Frontier. P. 212, 213, 221–223, 224–225.*

⁴² *Wister O. The Virginian. N., Y., 1902.* Эта книга уже в первый год переиздавалась 17 раз, став одним из десяти самых известных романов–бестселлеров Америки.

⁴³ Здесь, скорее речь идет, о популярной героической версии, нежели о реальном историческом ковбое. О дискуссии, посвященной версии реального ковбоя см.: *Savage, Jr. The Cowboy Hero: His Image in American History and Culture. Norman Okl.). 1979. esp. P. 3–48.*

Прибыв в селение, пораженное злом, ковбой уничтожает гадов, губящих американский сад, похоже, только для того, чтобы положить конец и своей полезности. “Идеальный ковбой, – замечает Дэвид Брайан Дэвис, – борется за справедливость, рискует жизнью, чтобы обезопасить мрачное небольшое пастушье селение ради уважающих закон, респектабельных граждан, но, добиваясь этого, он разрушает само окружение, которое делает его героем”⁴⁴. Как современный Моисей, ковбой никогда не поселяется в земле обетованной, которую он сделал мирной, он обречен бродить по американской пустыне, принося порядок, осуждающий необходимость его (т.е. ковбоя) существования.

Не следует приписывать этих героев только далекому американскому прошлому. Их основные черты сохраняются и во всегда популярных романах Луи Лямура, бесконечных телешоу, в таких современных фильмах, как “Звездные войны”, “Налетчики потерянного ковчега” и “Электрический всадник”⁴⁵.

Подобно героям границы, ковбой редко вступает в брак и способен только на юношескую привязанность к женщинам. Хопалонг Кэссиди, герой-ковбой, проживший долгую жизнь (с 1910 по 1950-е годы) в многочисленных романах, фильмах, на телевидении, типичный персонаж такого рода. Диалог Хопалонга с женщиной, его доводы не в пользу женитьбы соответствуют классической модели героя: “Но ты не можешь постоянно двигаться с места на место!” – запротестовала Ленни. – Когда-то ты должен остепениться. Думаешь ли ты когда-нибудь жениться?” – “Угу, как только я подумаю об этом, то сейчас же седлаю Топпера и скачу прочь. Я не создан для брака, Ленни. Иногда я думаю о поэме, которую написал один парень, о том, что женщина – это только женщина...” – “Моя судьба – это постоянная дорога!” – договорила она за него. – “Но можешь ли ты представить женщину, выросшую вдали от вигвамов, в одном доме с беспокойным мужчиной?”⁴⁶

Ковбой, согласно Кеннету Мандену, “защищает женщин, но не женится на них... При наличии выбора, герой выбирает лошадь и ружье вместо женщины”⁴⁷. Их отказы жениться, согласно Ричарду Слоткину, предполагают, что американские герои “никогда не получали последнего приза за героизм (т.е. жены), чтобы стать основателем целого племени или династии”⁴⁸. Такие люди не оставляли потомства и символически совершали самоубийство расы. Как отмечал Д.Х.Лоуренс, американский герой границы отказывается от секса в пользу насилия: “Он живет смертью, убивая диких существ в воздухе и на земле”⁴⁹.

44 Davis D.B. Ten-Gallon Hero // *American Quarterly*. Summer 1954. Vol. 6. P. 78; Schein H. The Olympian Cowboy // *American Scholar*. Summer 1955. Vol. 24. P. 309–320; see also: Noble D. The progressive Mind, 1890–1917. Chicago, 1970. P. 154–156; Robertson J.O. Op. cit. P. 164–165.

45 Athearn R.G. Op. cit. P. 188–189.

46 Tex Burns (Louis L'Amour). Hopalong Cassidy and the Trail to Seven Pines. N.Y., 1951. P. 187.

47 Munden K.J. A Contribution to the Psychological Understanding of the Origin of the Cowboy and His Myth // *American Imago*. Summer 1958. Vol. 15. P. 115, 124–125; Schein H. Op. cit. P. 310–312.

48 Skotkin R. Regeneration Through Violence. P. 498.

49 Lawrence D.H. Studies in Classic American Literature. N.Y., 1975. P. 62.

Архитипичная ковбойская история была предложена в 1953 г. в классическом фильме “Шейн”, основанном на романе Джека Шейфера⁵⁰. Подобно Кожаному Чулку, в костюме которого он фактически впервые появляется перед зрителем, герой не обладает и не будет обладать женщиной. Вместо этого он рискует жизнью, чтобы спасти семью другого человека. Домоседы долины оказались запертыми в ней в результате смертельной борьбы за сохранение своей семейной структуры от угроз холостых пастухов из шайки Райнера. Шейн, у которого нет ничего, кроме лошади, не может иметь ни жены, ни ребенка, ни дома; тем не менее он вступает в жестокую схватку за сохранение семей, жителей долины, за их собственность и достоинство. Юный рассказчик, подводя итог этой истории, говорит: “Он был человеком, прискакавшим в нашу маленькую долину из сердца великого горячего Запада, и когда работа его была завершена, он усакал назад, и это был Шейн”⁵¹. В этих историях у героев обычно нет живых родителей. Герой “Виргинца” – без имени. “Дитя лучшей семьи Востока, – замечает Дэвид Ноубл, – он бежит в юности от семейных сложностей, упадка и меркантильности, чтобы обрести свободу на Западе”. Ковбой был “самостоятельным сиротой... архитипичным американцем; он представлял всех людей, которые оставили позади Европу, семьи и историю”⁵².

“Прибытие героя из ниоткуда в начале каждого приключения, – пишет Уоррен Баркер, – предполагает вызвать детское чувство тайны, равно как и неясность происхождения самого героя”⁵³. У ковбоя “часто отсутствует семья” и, согласно Гарри Шейну, “он представляет тип таких редких людей, у которых никогда не бывает и матери”⁵⁴. Эти рассказы подобны распространенной детской фантазии о “замене обоих родителей более выдающимися лицами”⁵⁵, которые Отто Ренк связывает с мифическими рассказами о героях. “Эти новые, благородного происхождения родители, – объясняет Ренк, – наделены повсюду качествами, которые вызывались реальными воспоминаниями о действительных простых родителях... Все это стремление... является просто выражением детской страстной ностальгии по прошедшему частливому времени, когда его отец был еще самым сильным и самым

⁵⁰ *Schaeffer J. Shane* (1949) in the *Short Novels of Jack Schaeffer* // *Introd. by D.M. Johnson*. Boston, 1976. P. 5–111.

⁵¹ *Schaeffer J. Shane*. P. 111.

⁵² *Noble D.* Op. cit. P. 154.

⁵³ *Barker W.J.* The Stereotyped Western Story: Its Latent Meaning and Psychoeconomic Function // *Psychoanalytic Quarterly*. 1955. Vol. 24. June. P. 276.

⁵⁴ *Schein H.* Op. cit. P. 311; *Munden V.J.* Op. cit. P. 128–129. Хотя у Мандена мифические элементы представлены достаточно полно, его интерпретация – менее удовлетворительна. Для того чтобы буквально “подогнать” ковбоя под Эдипов комплекс, Манден сводит всю историю к ее символическому содержанию. Поступая так, мы узнаем меньше, чем хотелось бы, об американском обществе.

⁵⁵ Два момента здесь заслуживают особого внимания: во-первых, в большинстве случаев это истории, рассказываемые подросткам или самими подростками; во-вторых, все, о чем повествуется в этих историях, связано с конфликтами подростков с родителями, с представителями противоположного пола, с вопросами идентификации личности подростка.

великим человеком, а мать – самой дорогой и самой прекрасной женщиной в мире”⁵⁶.

Подобно Буну или Виргинцу, осиротевшие герои – это самостоятельные люди, образ которых способствует полной в книжной форме фантазии об отце – герое. Они покидают, чтобы не быть покинутыми, – это другая детская фантазия самоубийственного содержания. Как у всех трагических фигур, их действия, конечно, определяются неподвластной им судьбой. Когда юный Джой просит Шейна остаться, герой объясняет: “Мужчина должен быть тем, кем он есть, и ты здесь бессилен”⁵⁷. И все же, отвергая родителей, которых они могли иметь, эти герои выбирают высшего, всемогущего родителя – природу. Код дикости жесток и своенулен, но, как это ни парадоксально, покоренная природа одаривает всем необходимым своих детей. Тем не менее цель мифического героя регрессивна и ведет к гомеостазу – у него время и место без конфликта, помещенное где-то на задворках давно забытых воспоминаний.

Неудивительно, что человек границы и ковбой способствовали созданию условий для своего собственного исчезновения; ибо граница никогда не могла служить удовлетворительным заменителем потерянных родителей, которых она символизировала. Импульс поиска героя находился в его прошлом. Как он ни старался найти воссоединения посредством повторявшейся потребности миграции, только смерть предлагала ему передышку, которой он домогался. Часто в конце всей истории герой должен был признать: “Твои дни сочтены!” – предупреждает Шейн безжалостного пастушьего барона. – “Мои?”, – спрашивает тот. – “А как насчет твоих дней, разбойник?” “Отличие мое в том, – печально соглашается Шейн, – что я знаю об этом”⁵⁸.

Подобно самоубийству, фантазия это не смерть, а скорее, как полагает Роберт Дж.Лифтон, стремление к менее беспокойному существованию, которое включает, как и все самоубийства на неосознанном уровне, месть, вину и ностальгию⁵⁹.

Скрытое содержание мифа об американской границе подобно неосознанной динамике самоубийственного поведения. Посредством различных действий, многие из которых содержат элементы повторяющегося принуждения, как самоубийца, так и герой ищут воссоединения с потерянными объектами любви. Для действительного самоубийцы доступные альтернативные способы оказываются неудовлетворительными, потому что искомый объект потерян навеки и доступные ритуалы оказываются неадекватными. Мифический герой желает воссоединения с однажды покинутыми родителями, но в конце концов граница не может обеспечить адекватную им замену. Конечно, герой фактически не убивает себя. Параллели между героем и самоубийцей заключаются не в мотивации, целях и способах, а скорее в их методе “умирания”.

⁵⁶ Rank O. The Myth of the Birth of the Hero; A Psychological Interpretation of Mythology (1914). Repr.; N.Y., 1964. P. 71.

⁵⁷ Schaeffer J. Shane. P. 106.

⁵⁸ Meyer W.R. Op. cit. P. 222.

⁵⁹ Lifton R.J. The Broken Connection: On Death and the Continuity of Life. N.Y., 1979. P. 248–252.

Миф о границе предлагался мигрантам и иммигрантам в качестве метафорической замены культурам и ценностям, которые они покидали, интегрируя себя в современное индустриальное общество. Частично долговечность мифа связана с тем, что на уровне фантазии, он импонировал культурным трудностям в обществе покинутых и покидающих. Таким образом, по мере ослабления социальных ритуалов оплакивания и общины, миф о границе вырос в бесспорную национальную догму. Долговечность этого мифа поддерживалась, потому что в Соединенных Штатах более, чем в другой западной культуре, ассимиляция нового населения была и продолжает оставаться центральной чертой повседневной жизни. В результате, мифический герой границы эволюционировал от философского Дэниеля Буна до Луки Скайуолкера из “Звездных войн” практически без серьезных изменений. Повторение истории в популярной литературе и массовой культуре служит символическим утверждением потери действительного или фантастического объекта для нации мигрантов.

Неудивительно, что самой большой аудиторией для этих с повторяющейся моралью спектаклей стало подростковое население нации. Возможно, то, что привлекает их в этих рассказах, может быть связано с эмоциональным беспорядком, который многие комментаторы находят в жизни юных американцев. Все же ценности и мифы часто кажутся самыми сильными в тот самый момент, когда новая реальность требует их. Повторение (принуждение), искомое в массовой культуре, может символизировать последнюю отчаянную попытку завладеть миром, который был утерян. Ибо свидетельство возросшего самоубийственного поведения американской молодежи предполагает, что миф о границе не может больше служить терапевтической фантазией для поколения, которое выросло после опыта Вьетнама, поставившего под вопрос правильность этого американского мифа.